

Глава 5. Текст: опыты современных филологических разысканий

Н.А. Аксарина (Тюмень)

«Очарованная даль»: имя ноумена в раннем поэтическом творчестве А. Блока

Вся человеческая культура, в том числе литература и мифология, изначально ориентирована на поиск идеального мира, альтернативного реальной действительности человечества, нации, личности. Каждая переломная эпоха ознаменована появлением легенд и литературных утопий об альтернативном мире. В двадцатом веке искания иного мира вылились в появление литературного жанра «фэнтези». Вероятно, само зарождение понятий чуда, волшебства, религии, само утверждение в сознании людей мировоззренческой категории «мистическое» является следствием постоянной и неутолимой жажды обладать другим миром. Эта жажда лежит в основе этимологии душевных болезней и социальных пороков. И в нерелигиозной, неутопической и нефантастической литературе поиск прекрасного и справедливого мира имплицитно организует каждое произведение. Формально оставаясь на обочине культуры, прописываясь в большей части литературных и фольклорных текстов «между строк», задача поиска или строительства лучшей, совершенной формации исподволь определяет историю человечества.

В русском символизме альтернативная формация предстает в образе ноумена — невещного и потому совершенного мира, находящегося за гранью воспринимаемой глазами человека действительности. Для А. Блока задача поиска перехода из феномена, мира вещей, в ноумен становится определяющей все творчество. Эта задача обусловлена для него и осознанием особой миссии провидца-поэта, сравнимой с миссией Моисея, и представлением о гражданском долге того, кто видит, перед другими людьми, и личным стремлением к гармонии. В разные периоды творчества, в разные годы жизни ареал философских исканий поэта изменяется: идеальный мир для него воплощается то в культуре античности, то в скандинавской мифологии, то в славянской истории, то в христианской апологетике, то в представлениях об изначальном андрогинном единстве человека. Герой Блока в поисках выхода в ноумен всякий раз, шаг за шагом, все ближе подходит к искомой границе, к «переходу» между мирами — и всякий раз останавливается где-то около, сознавая, что переступить черту между вещным и идеальным *пока* не позволено *пока* несовершенному

человеку. Останавливается — иногда в отчаянье, порожденном сознанием ограниченности собственного существования рамками видимой, а не «проецируемой» реальности и сознанием неизбежности наказания за самовольство: *Предо мною — грань богопознания, / Неизбежный сумрак, черный дым.* Но чаще останавливается в печали, сопряженной с радостью предчувствия скорой доступности доселе запретного. Так, герой поэмы «Ночная Фиалка», дошедший до грани миров, видит «сон» (а на самом деле — явь, откровение) о неизбежности явления нового мира, предсказанного христианской мифологией: *...заветная прялка прядет / Сон живой и мгновенный, / Что нечаянно Радость придет / И пребудет она совершенной...*

Чем ближе подходит поэт к предмету своих поисков, тем сильнее в нем желание как-то обозначить, назвать этот предмет и оставить на пройденном пути своеобразные «дорожные указатели» для идущих следом — указатели однозначные, *абсолютно* отражающие суть искомого. Поэтому для А. Блока проблема поиска ноумена сопряжена с проблемой его именования. Лингвофилософский характер этой проблемы определен уже самой невещной природой ноумена. Ее решение зависит от ответа на вопрос, возможно ли присвоить имя — атрибут вещи — ноуменальному, не «овеществив» его при этом, не обратив в феномен. И чем яснее предстает перед поэтом не определяемая вещественными понятиями природа подлинного мира, тем абстрактнее становятся подбираемые им имена. В ранней поэзии А.А. Блока (1898–1907 гг.) можно выделить 11 ступеней абстрагирования предполагаемого имени ноумена, причем их хронологическая последовательность не является абсолютной, постоянно нарушается, часто более абстрактное имя предшествует менее абстрактному. Это объясняется частой сменой географического и исторического ареала поисков, в силу которой при переходе от одной формации к другой имя ноумена проходит все ступени абстрагирования заново.

Первая, самая «неабстрактная» ступень представлена нарицательными конкретными именами с собственно пространственным значением. Так, в стихотворении «Ищу спасенья» (1900, 1907) ноумен отождествляется с «далекими светлыми горами»: *Там сходишь Ты с далеких светлых гор.* Отметим, что мифологема «Ты» («Она») в философии А. Блока является и постоянным атрибутом, и, одновременно, вестницей подлинного мира. В стихотворении 1898 года «Я стремлюсь к роскошной воле...» ноумен — «прекрасная сторона» — реализуется во вполне конкретных пространственных образах, своего рода «младших именах»: *...Мчусь к прекрасной стороне, / Где в широком чистом поле / Хорошо, как в чудном сне. / Здесь цветут и клевер пышный, / И невинный василек...* Судить о причастности данного текста к созданию образа ноумена позволяет и более поздняя лирика Блока, устойчиво отражающая те же мотивы в их явной связи с ноуменом, и заглавие, данное автором этому стихотворению в рукописи: «Поле жизни».

Однако локализация подлинного мира, отождествление его с определенными географическими объектами приводит к его включению в струк-

туру мира вещного. Поэтому следующая ступень абстрагирования имени ноумена представлена конкретными существительными, называющими широкие пространственные реалии и имеющими при себе определения-прилагательные, которые указывают на отвлеченность, отстраненность ноумена от вещного мира. Эта отстраненность может носить собственно пространственно-временной характер: *Но к цели близится поэт, / Стремится, истиной влекомый, / И вдруг провидит новый свет...* («Хоть все по-прежнему певец...», 1900); *Слышу волн круговое движенье, / И больших кораблей приближенье, / Будто вести о новой земле...* («Ночная Фиалка», 1905–1906). При этом ноумен может находиться даже за пределами видимого космоса: *...Полюбуйся равнодушно, / Как сердца горят над бездной... / ...О, зачем в ночном сиянии* (здесь и далее орфография А. Блока. — Н.А.) */ Не взлетят они над бездной, / Никогда своих желаний / Не сольют в стране надзвездной?* («Темно в комнатах и душно...», 1901). Часто определение-прилагательное указывает на то, что подлинный мир удален от вещного не столько во времени и пространстве, сколько в «духовном измерении»: *...гонит играющий ветер / Корабли из веселой страны...* («Ночная Фиалка»); *...Но просиял твой свет / И вдруг исчез — в далекие туманы. Я направляю взор в таинственные страны...* («Не ты ль в моих мечтах, певучая, прошла...», 1901); *Ушел я в белую страну...* (1902). Все эти имена интертекстуальны и апеллируют к христианской мифологии.

Но и такие имена, отражающее больше пространственно-временную принадлежность ноумена, нежели специфику его «духовного измерения», не представляются поэту состоятельными, поскольку они по-прежнему физически привязаны к одной конкретной планете. И имена третьей ступени абстрагирования представлены уже нарицательным существительным «мир» с комплексным отвлеченно-пространственно-временным значением. На этой ступени главной при подборе имени становится задача вывода ноумена за пределы человеческой Вселенной, физически реального хронотопа. При имени «мир» всегда есть определения, уточняющие, ограничивающие отвлеченность, заданную ранее, способные называть только ноумен, а не любые субъективные формации: *Пред нами тайны обнажатся, / Возблещут новые миры* («В чужбину по гудящей стали...», 1902); *...Она молчит, — и внемлет крикам, / И зрит далекие миры* («Душа молчит. В холодном небе...», 1901); *Дух всколеблет эфир / И вселенной немое забвенье, / Приближается мир / Моего обновленья* (Завтра с первым лучом...», 1900).

Задача четвертой ступени абстрагирования — сформулировать имя, комплексно, а не по частям отражающее особенность организации ноумена, его абсолютную непохожесть на феноменальный мир. Этим именем становится существительное «даль» — с определениями и само по себе: *...день проснется, вскроет вежды, / И даль привидится ему* («Поэт в изгнании и сомненьи...», 1900); *Шлет невзгоды и печали, / Нежностью объят. / Но чрез них в иные дали / Проникает взгляд* («Моей матери», 1901); *Все мнится — зорь вечерних пламя / В последний раз открыло даль* («Вдали мигнул огонь

вечерний...», 1902); ...*И вижу берег очарованный / И очарованную даль* («Незнакомка», 1906). Употребление имени «даль» в текстах всегда связано с проявлением мотивов пророчества, откровения, озарения, и эта связь сохраняется и на всех последующих ступенях абстрагирования. Посредством взаимодействия с указанными мотивами имя «даль» развивает в текстах семантику мистического, несвойственную ему в языке, и потому характеризует ноумен как нечто малодоступное, почти недостижимое.

На пятой ступени зарождаются имена, называющие только существенный абстрактный признак ноумена и утрачивающие все временные и пространственные характеристики. Чаще всего имена этой ступени выражены абстрактными существительными с семантикой света, озаренности: ...*Мы помчимся к бездорожью / В несказанный свет* («Мы живем в старинной келье...», 1902); *Земля мертва, земля уныла, — / Вдали — рассвет* («Готов ли ты на путь далекий...», 1908); *Как ясен горизонт! И лучезарность близко...* («Предчувствую Тебя. Года проходят мимо...», 1901) и др. Иногда семантика света выражена в определении к имени: ...*Жду волны — волны попутной / К лучезарной глубине* («Внемля зову жизни смутной...», 1901). Нередко эта семантика имплицитна и ощущается только на уровне устойчивых общечеловеческих ассоциаций: *Бреду, как путник запоздалый, / За красотой* («31 декабря 1900 года»: «И ты, мой юный, мой печальный...»).

Имена шестой ступени называют не ноумен, а только тот пространственный предел, за которым он находится. Это имена границы, между мира, выраженные существительными с ослабленной локальной семантикой: *Я, запоздалый на границе, / Спокойно жду последних снов...* («Смотри — я отступаю в тень...», 1901); *Я, в тоске, покину на границе / Твой нездешний, твой небесный след...* («Ты уходишь от земной юдоли...», 1901); *Как ясен горизонт! И лучезарность близко...* («Предчувствую Тебя. Года проходят мимо...», 1901); *Я у самого края земли, / Одинокий и мудрый, как дети... / ...Слышу волн круговое движенье / И больших кораблей приближенье, / Будто вести о новой земле...* («Ночная Фиалка»).

На седьмой ступени имена границы между мирами утрачивают и без того призрачную предметность и превращаются в обстоятельственные (отыменные или вообще наречные) косвенные именованья: *Богиня жизни, тайное светило — / Вдали* («Курятся алтари, дымят паникадила...», 1900, 1910). В стихотворении 1900 года «В полночь глухую рожденная...» именование «вдали» встречается шесть раз: четыре раза в контексте «Ты серебрилась вдали» и дважды в контексте «Солнце разлейте вдали». В стихотворении «Внемлю голосу свободы...» (1901) ноумен обозначен словоформой с обстоятельственным значением «на востоке» и является интерпретацией ветхозаветного мифа об исходе евреев из Египта на восток, в землю обетованную, через Красное море: *На востоке пламенеют / Новой воли маяки!* В стихотворении «Поэт» («Сидят у окошка с папой...», 1905) ноумен назван обстоятельствами «за море» и «за морем», и его осознание субъективно. Так, для девочки мир «за морем» не является подлинным, прекрасным, поскольку там нет умершей мамы, тогда

как для «глупого поэта», которому «хочется за море, где живет «Прекрасная Дама», это, без сомнения, имя ноумена. В этом стихотворении ноумен особенно недоступен, так как в нем утверждается отсутствие искомого перехода между мирами: — *А эта Дама — добрая? / — Да. / — Так зачем же она не приходит? / — Она не придет никогда: / Она не ездит на пароходе.* В поэме «Ночная Фиалка» (шестая ступень абстрагирования имени ноумена — «край земли») герой приближается к подлинному миру через трансцендентный переход — гибель собственного двойника, сопряженную с гибелью целой «болотной» формации, — и возрождается на краю света в новом качестве — мудреца и пророка. Но и в этом пограничном состоянии он прозревает не сам ноумен, а только сон-откровение о нем. В стихотворении «Я жду призыва, ищу ответа...» (1901) косвенное имя ноумена дополнительно абстрагировано неопределенным местоимением «где-то»: *За желтой нивой — далеко где-то — / На миг проснулось мое воззвание... / ...На миг проснулось за нивой, где-то, / Далеким эхом мое воззвание...* В стихотворении 1903 года «Здесь память волны святой...» ноумен назван неопределенным наречием «Там», которое выделено в тексте графически — прописано с большой буквы и курсивом — и потому сближается по семантике с мифологемой: *Здесь печально скажут: «Угас», / Но Там прозвучит: «Воскресни!».*

Косвенное именование ноумена на восьмой ступени абстрагирования становится перифрастическим, актуализирующим не только лексическую, но и синтаксическую семантику неопределенности и обычно создается на уровне всего текста. Так, в стихотворении «Входите все. Во внутренних покоях...» (1901) ноумен выражен через антитезу: он противоположен «здешнему свету», недолговечной формации, тогда как книгам, содержащим «святую тайну бога» (перифрастическое имя ноумена), «истленья нет». В этом же тексте ноумен назван «тайной без конца», субстантивным описанием — вместо собственно понятия. Стихотворение того же года «Не жди последнего ответа...» представляет собой единый перифраз, описывающий предчувствие поэтом прихода подлинного мира, называющий отдельные признаки его приближения, но не сообщающий имени: *...Но ясно чуется слух поэта / Далекый гул в своем пути... / ...И донеслось уже до слуха: / Цветет, блаженствует, растет... / ...Им не постигнуть сновидений, / Которых не дождался он.*

Девятая ступень абстрагирования является с лексической точки зрения самой богатой: она представлена наибольшим количеством единиц. Все эти единицы — собственные имена-мифологемы, потенциально многозначные, неисчерпаемые, полиинтертекстуальные и потому еще более «невещные». Самое раннее имя-мифологема отражено в стихотворении «Сама судьба мне завещала...» (1899, 1910): *...Светить в преддверьи Идеала / Туманным факелом моим.* В стихотворении 1902 года «Успокоительны, и чудны...», посвященном Владимиру Соловьеву, ноумен, воспринятый Блоком из книг Соловьева, носит имя «Великий Свет», а в стихотворении 1903 года «В посланьях к земным владыкам...» он назван «Вечной Надеждой».

Часто ноумен и его вестница — мифологема «Ты» («Она») в стихотворениях отождествляются и имеют одно общее имя: *Тебе, Тебе, с иного света, / Мой Друг, мой Ангел, мой Закон!* (1902). В стихотворении того же года «Без меня б твои сны улетали...» «Она» становится функциональным воплощением ноумена, ее имя и дело становятся его именем и делом. Так, призывая к себе героя-автора, «Она» оставляет ему на границе своеобразный адрес-имя: *На черте огневого заката / Начертала Я Имя, дитя...* Часто «Она», а следовательно, и сам ноумен, отождествляется с мифологемой «Заря»: *И средь кощунственных хулений, / Застигнут ясностью Зари, / Я пал, сраженный, на колени...* («Напрасно я боролся с богом...», 1900, 1914); *Я покинул туман, предо мною — Заря!* («Но прощай, о, прощай, человеческий род!...», 1902). Последнее стихотворение опять апеллирует к интертексту о переходе по дну Красного моря, и потому «Заря» в нем является полным эквивалентом понятия «земли обетованной».

Имена десятой ступени — это снова имена междумирия, однако характер границы между мирами уже иной — не отвлеченно-пространственный, а событийный, то есть еще более аморфный, не сопряженный с *где* и *когда*. Это имена описательные, занимающие иногда не одну поэтическую строку или даже строфу и указывающие только на событие, отделяющее ноумен от феномена. В основном все они представлены в стихотворениях цикла «Город», в котором междумирие выражено образами Апокалипсиса, где в картину всеобщего разрушения старого мира врываются значимые элементы мира нового — элементы с комплексной интертекстуальной семантикой суда, наказания и очищения. Обычно в стихотворениях эти имена объединяются с именами других ступеней. Так, в стихотворении «Невидимка» («Веселье в ночном кабаке...», 1905) одновременно представлены образы и событийной (апокалиптической), и отвлеченно-пространственной (шестая ступень) границы: *В тени гробовой фонари, / Смолкает над городом грохот... / На красной полоске зари / Беззвучный качается хохот... / Вечерняя надпись пьяна / Над дверью, отворенной в лавку, / Вмешалась в безумную давку / С расплеснутой чашей вина / На Звере Багряном — Жена.* В стихотворении 1904 года «Последний день» в последней строфе собраны имена седьмой, восьмой и десятой ступени: *Высоко — над домами — в тумане снежной бури, / На месте полуденных туч и полуденных звезд, / Розовым зигзагом в прозрачной лазури / Тонкая рука распластала тонкий крест.* Апокалиптические события отражены и в более ранних стихотворениях. Например, в стихотворении «Увижу я, как будет погибать...» (1900) разрушение старого мира является залогом пришествия мира нового и потому воспринимается с радостью: *Пусть одинок, но радостен мой век, / В уничтожение влюбленный. / Да, я, как ни один великий человек, / Свидетель гибели вселенной...* В стихотворении «Аграфы догмата», написанном в том же году, событийная граница смещена во времени — она перенесена на момент более поздний, на момент рождения миров: *То был рассвет великого рожденья...* Часто событийная граница носит ярко выраженный временной характер и позитивно интерпретирует апокалиптический интертекст — через варианты мифологемы

«День»: Но мы, — их предки и потомки, — / Сиянья их ничтожный след, / Земли ненужные обломки / На тайной грани лучших лет («Пророк земли — венец творенья...», 1900); Новый день — не тот, что бьется / С ветром в окна по весне! / Пусть без умолку смеется / Небывалый день в окне! («На весенний праздник света...», 1902); Встали надежды пророка — / Близки лазурные дни. / Пусть лучезарность востока / Скрыта в неясной тени. («Посвящение», 1901); ...Или чуешь много предтечу / Несомненной и близкой весны? («Снова ближе вечерние тени...», 1901) и др.

Последняя и высшая ступень абстрагирования представлена субстантивированными прилагательными среднего рода, называющими основное качество ноумена, подчиняющее себе все остальные его характеристики, атрибуты, свойства: *Небесное* умом не измеримо, / *Лазурное* сокрыто от умов... (1901; интерпретация «лазурного» соответствует теории цвета Андрея Белого); Я сам своей стрелой ранен, / Сам перед новым изнемог... («Смеялись бедные невежды...», 1900); Вознесясь стезею бледной / В золотое без конца, / Стану, сын покорно-бедный, / В осиянности творца... («Новый блеск излило небо...», 1900).

Часто в одном тексте сталкиваются и взаимодействуют имена сразу нескольких ступеней, отражая попытку автора комплексно обозначить ноумен одновременно с разных сторон. Так, в стихотворении «Неведомому богу» (1899, 1910) присутствуют имена сразу пяти ступеней: ...Откроешь двери в новый храм, / Укажешь путь из мрака к свету!.. / Не ты ли в дальнюю страну, / Страну неведомую ныне, / Ведешь меня — я вдаль взгляну / И вскрикну: «Бог! Конец пустыне!» (снова апелляция к образу Моисея).

Абсолютная вершина абстрагирования и, одновременно, признание невозможности наделить неведущее именем на человеческом языке представлены в стихотворении 1906 года «Нет имени тебе, мой дальний...», где прилагательное «дальний» не субстантивируется, сохраняет собственно адъективную семантику и обозначает одновременно три мифологемы (интерпретацию христианского триединства): Жениха, Бога как создателя ноумена и сам ноумен: Нет имени тебе, весна... / Нет имени тебе, мой дальний.

С.Н. Бурова (Тюмень)

Дейксис и анафора в эпиграфе стихотворения И.А. Бродского «Декабрь во Флоренции»

Эпиграф стихотворения И. Бродского «Декабрь во Флоренции» (включенного в цикл «Часть речи», 1975–1976) — «Этот, уходя, не оглянулся...» — сопровождается отсылкой только к автору слов А.А. Ахматовой [Бродский 1992а: 341–343]. Строка, ставшая эпиграфом, взята из вошедшего в сборник «Тростник» стихотворения А. А. Ахматовой «Данте» [Ахматова 2006: 205–206].